

Научная статья

УДК 316.6

<https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.14>

Динамика установок формирования толерантности в семье у представителей различных социальных групп

Любовь И. Рюмшина¹✉, Елена В. Зинченко², Анастасия А. Чернова³, Юлия В. Бердянская⁴,
Ольга В. Батычко⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ ryumshina@sfedu.ru

Аннотация: Введение. Толерантность, как основа личности, выстраивающей конструктивные взаимоотношения с другими людьми, в современных условиях сопряжена с развитием гражданского общества, политическими и общественными событиями. Поэтому большое внимание воспитанию толерантности уделяется в образовательных учреждениях. Работ, направленных на изучение значимости ее формирования в семье, играющей решающую роль в развитии различных личностных черт ребенка, практически нет. В статье впервые проанализированы за длительный период времени установки формирования толерантности в семье у респондентов различных групп. **Методы.** Объект исследования: толерантность как психологический феномен. В исследовании использовалась база данных Всемирного обзора ценностей (WVS) с участием России с конца XX в. до 2017 г. Общая выборка насчитывала 10344 человека. Для обработки данных применялись статистические методы: корреляционный анализ, критерий Краскала – Уоллиса, критерий Коновера, метод доверительных интервалов, логистическая регрессия. Все расчеты выполнялись с помощью языка программирования «R» на интерфейсе программы «RStudio». **Результаты.** Установлена тенденция к снижению количества респондентов, считающих толерантность важнейшим качеством, формируемым в семье. Выявлены различия в группах респондентов с разными установками на воспитание толерантности. Для лиц старшего возраста, имеющих высшее образование, ее формирование более значимо. В 2017 г. уровень образования и социального класса у лиц, считающих так, снижается. **Обсуждение результатов.** Толерантность – одно из важнейших качеств, формируемых в семье, однако число считающих так респондентов со временем уменьшается. Обнаружена тенденция повышения значимости формирования толерантности в семье в зависимости от более старшего возраста, уровня образования и социального класса респондентов.

Ключевые слова: толерантность, формирование толерантности, семья, социально-демографические характеристики, возраст, пол, образование, иммигранты, беженцы, логистическая регрессия

Основные положения:

- проанализирована динамика установок формирования толерантности в семье у представителей различных социальных групп в период с 1990 до 2017 г.;
- несмотря на отмечаемую респондентами важность формирования толерантности в семье, выявлена тенденция к снижению ее значимости среди других формируемых психологических качеств;
- установки на формирование толерантности в семье отличаются у лиц с разными социально-демографическими характеристиками (возраст, образование, социальный класс);
- у респондентов, считающих и не считающих важным формирование толерантности в семье, наблюдаются значимые различия по возрасту, образованию, социальному классу.

Финансирование: Исследование было поддержано Программой стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Для цитирования: Рюмшина, Л. И., Зинченко, Е. В., Чернова, А. А., Бердянская, Ю. В., Батычко, О. В. (2022). Динамика установок формирования толерантности в семье у представителей различных социальных групп. *Российский психологический журнал*, 19(4), 211–230. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.14>

Введение

Со времени реализации Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантности и профилактика экстремизма в российском обществе» прошло более 20 лет. Актуальность ее проведения определялась, прежде всего, необходимостью дальнейшей гармонизации отношений в российском полиэтничном государстве. Была ли эта программа эффективна? Наверное, да, хотя бы потому что была поставлена проблема толерантного поведения и отношения в российском обществе, дано определение толерантности как уважения и признания равенства с Другими, намечены пути перспективных исследований в этой области (Асмолов и др., 2001). В течение последующих двух десятилетий эта проблема не только не потеряла своей актуальности, но понятие толерантности оказалось универсальным и востребованным представителями различных наук. Она стала своего рода преемственностью изучения межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Несмотря на то, что в дальнейшем инициаторы целевой программы в своих работах обращаются больше к ее психологическим и педагогическим аспектам, число исследований толерантности как социального явления увеличивается (Медушевский, Гордеева, 2017). При этом часто толерантность стала связываться с идеологической надстройкой, патриотизмом, защитой интересов общества, отстаиванием его интересов (Beregova & Karlova, 2020; Иванов, 2018).

Несмотря на важность теоретико-методологического осмысления толерантности, можно отметить, что эти работы не всегда завершались возможностью их практического применения. В то время как новые политические и общественные реалии – терроризм и появление большого числа иммигрантов и беженцев из бывших союзных республик – требовали научного вмешательства ученых.

В связи с этим можно выделить группу исследователей, изучающих проблемы интеграции в российское общество иммигрантов и беженцев, отношение россиян к ним (Щербак, Тряпкин

2019; Демидова, 2021; Монусова, 2021), в том числе с учетом демографических характеристик респондентов (Прохода, 2021; Мукомель, 2017). Рост террористической и экстремистской деятельности привел к исследованию новой для российских психологов темы – предотвращения и противодействия ей, особенно в молодежной среде (Муфтахова, Гилязева, 2019). Появляются исследования толерантных установок у молодежи (Кустова и др., 2018; Меркулов и др., 2017), поиск причин ксенофобных настроений у нее (Мукомель, 2017). Однако скоро стало ясно, что формировать толерантность нужно значительно раньше.

Это закономерно привело к росту числа педагогических исследований. Можно согласиться с Медушевским, Гордеевой (2017), что в российской науке они занимают не менее 40 % общего числа публикаций, посвященных толерантности. Он это объясняет многообразием существующих на территории России педагогических практик и нестабильностью российской образовательной системы, которая с 1990-х гг. многократно подвергалась реформированию. Помимо этого, существует «государственный заказ» на преодоление этнического и религиозного сепаратизма через воспитание «правильных ценностей» (Медушевский, Гордеева, 2017, с. 3). Привлечение внимания к толерантности совпало с обсуждением гуманизации образования (Ryumshina, 2014), поиском новых способов общения педагогов с учениками (Ryumshina et al., 2022; Дайнова и др., 2018), особенно применительно к проблеме отношений к лицам с ОВЗ, которая до сих пор так и не решена в России (Beregova & Karlova, 2020).

Предлагается изучать толерантность на различных этапах обучения, а ее формирование начинать с дошкольного возраста средствами искусства, развитием эстетического вкуса, в процессе проектного обучения. Большое внимание уделяется гражданско-патриотическому воспитанию учащихся (Рубан, 2017). Так как главным средством воспитания толерантности в обществе, по мнению ученых, является образовательная деятельность, обращается внимание на подготовку педагогов (Смолянинова и др., 2017) и руководителей образовательных организаций, способных к формированию толерантности у подрастающего поколения в новой социокультурной среде (Shestakova et al., 2022).

Тем не менее, несмотря на рост таких работ, наиболее знаковыми публикациями педагогической направленности можно по-прежнему считать работы Г. У. Солдатовой и А. Г. Асмолова, непосредственно посвященных формированию установок толерантного сознания, где личность является точкой отсчета в формировании толерантности, предполагающей защиту права личности на возможность иного видения реальности (Асмолов, 1998; Асмолов и др., 2001).

Поэтому крайне важно воспитывать толерантность у подрастающего поколения не только в образовательных учреждениях, но и в семье. Никто из ученых не отрицает этого, как и то, что ценности, формируемые родителями, их стиль воспитания играют решающую роль в развитии различных личностных черт ребенка (Собкин, Халутина, 2017). Однако, вероятно, в связи со сложностью изучения семейного воспитания, эмпирических исследований, посвященных особенностям формирования толерантности в семье, крайне мало. Показательно, что с 2000 г. из 21268 работ в Elibrary, посвященных проблеме толерантности, только 54 непосредственно касаются воспитания и формирования толерантности в семье.

Такое незначительное количество работ, связанных с семейным воспитанием толерантности, характерно и для зарубежной науки, где количество ее исследований неуклонно растет в последнее время.

Исторически толерантность современные западные ученые связывают с плюрализмом (Beregova & Karlova, 2020), преодолением предрассудков, стереотипов, с этноцентризмом

(Pettigrew et al., 2011). Так как Европа тоже столкнулась с ростом террористической деятельности и иммиграционным потоком, там, как и в российской психологии, обсуждаются проблемы терроризма (Fischer-Preßler et al., 2019). Большая группа исследований посвящена поиску взаимопонимания между представителями различных религий (Eskelinen et al., 2022; Husain, 2020; Edwards, 2018; Mansouri & Vergani, 2018) и интеграции беженцев (Albanesi et al., 2019), куда включаются общественный контекст (Akbarzadeh & Roose, 2011), различия культурных ценностей, проблема национальной идентичности (van der Werf et al., 2022).

Особое внимание уделяется факторам, способствующим толерантности: демократии, уровню благосостояния населения (Cvetkovska et al., 2020), удовлетворенности людей жизнью (Tenenbaum et al., 2018), открытости опыту и идентификации со всем человечеством (Shrira et al., 2018), чувству безопасности, которое обеспечивает надежную основу толерантности.

Наряду с анализом гендерного аспекта и проблемы сексуальных меньшинств (Simon et al., 2019), как и в российской психологии, большое число исследований посвящено формированию толерантности, но это скорее конкретные исследования, а не разработка различных теоретико-методологических подходов. Так, авторы из Нидерландов строят конкретные возрастные модели реагирования на терпимость к разнообразию и делают вывод, что терпимость/нетерпимость могут проявляться в любом возрасте и зависят от того, как, почему и когда людей просят терпимо относиться к расхождениям в убеждениях и инакомыслию (Verkuypen & Killen, 2021). При этом анализируется интолерантное поведение учащихся в различных государственных учреждениях (Kyeret et al., 2020), влияние учителей на антииммигрантские настроения учащихся (Miklikowska et al., 2019; Sandoval-Hernández et al., 2018; Vedder et al., 2016). Изучается и влияние среды семейного общения и воспитания на развитие толерантности (Odenweller & Harris, 2018; Walters, 2020), но таких работ явно недостаточно для понимания причин интолерантного поведения учащихся.

Таким образом, исследование толерантности оказалось актуальным как никогда – и для России, и для зарубежных стран; феномен приобрел статус одной из экзистенциальных проблем, тесно вплетенной в развитие гражданского общества, политические и общественные события. Появилась значимость формирования толерантности не только к проживающим рядом представителям других этнических групп в многонациональном государстве, но и иммигрантам, а затем, несколько позже, и беженцам.

Можно согласиться с рядом ученых, что существуют различия в зарубежных и российских исследованиях толерантности. На наш взгляд, они касаются не столько роли толерантности в жизни человека, сколько подходов к изучению данного явления. Зарубежные ученые при анализе толерантности, как терпения и уважения, исходят из демократических принципов признания прав других, больше сосредоточены на поиске конкретных факторов, влияющих на формирование толерантности и ее осуществление. Российские ученые – на теоретико-методологических обоснованиях толерантности. Однако за двадцать лет повышенного интереса к толерантности российские психологи не выработали единого подхода к данному явлению, но они, как и зарубежные ученые, считают, что проблемы толерантного/интолерантного поведения начинаются с личности. Поэтому крайне важно формировать толерантное отношение у подрастающих поколений, которые затем и будут строить толерантное общество как общество равных возможностей для его членов. При этом основное внимание уделяется средствам формирования толерантности в образовательных учреждениях. Исследований, которые раскрывали бы значимость и особенности формирования толерантности в семье,

крайне мало как в российской, так и в зарубежной науке. Однако о том, что это актуальная мировая проблема, свидетельствуют различные опросы, носящие международный характер. Например, в проводимом каждые четыре года опросе «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS) анализ установок на формирование толерантности в семье становится частью глобального исследования.

Методы

Целью исследования стал анализ динамики установок формирования толерантности у россиян в семье в период с 1990 по 2017 г. в зависимости от их возраста, половой принадлежности, социального класса и образования.

В работе используется база данных WVS с участием России в следующих волнах: второй (1990 г., 1961 чел.), третьей (1995 г., 2040 чел.), пятой (2006 г., 2033 чел.), шестой (2011 г., 2500 чел.), седьмой (2017 г., 1810 чел.). Общая выборка насчитывает 10344 человека. В соответствии с представленными в базе данными респондентов, учитывались: пол (мужской, женский), возраст (до 29 лет, 30–49 лет, от 50 лет), уровень образования (нет образования, начальное, среднее, высшее), социальный класс (низший, рабочий, низший средний, высший средний, высший).

Для достижения поставленной цели были проанализированы ответы российских респондентов на вопрос, касающийся значимости «терпимости и уважения к другим людям» (толерантности) в воспитании детей. Вопрос звучит следующим образом: «Перед Вами на карточке список качеств, которые можно воспитать у детей в семье. Какие из них, если такие есть, являются, по Вашему мнению, наиболее важными?».

Для обработки данных применялись следующие статистические методы анализа: корреляционный анализ, критерий Краскала – Уоллиса, критерий Коновера, метод доверительных интервалов, логистическая регрессия. Все расчеты выполнены с помощью языка программирования «R» на интерфейсе программы «RStudio».

Результаты

Отвечая на вопрос о значимости формирования у детей различных качеств, респонденты могли выбрать 5 качеств из 10. На основе анализа их ответов были получены следующие данные (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Значимые для воспитания качества (в %)

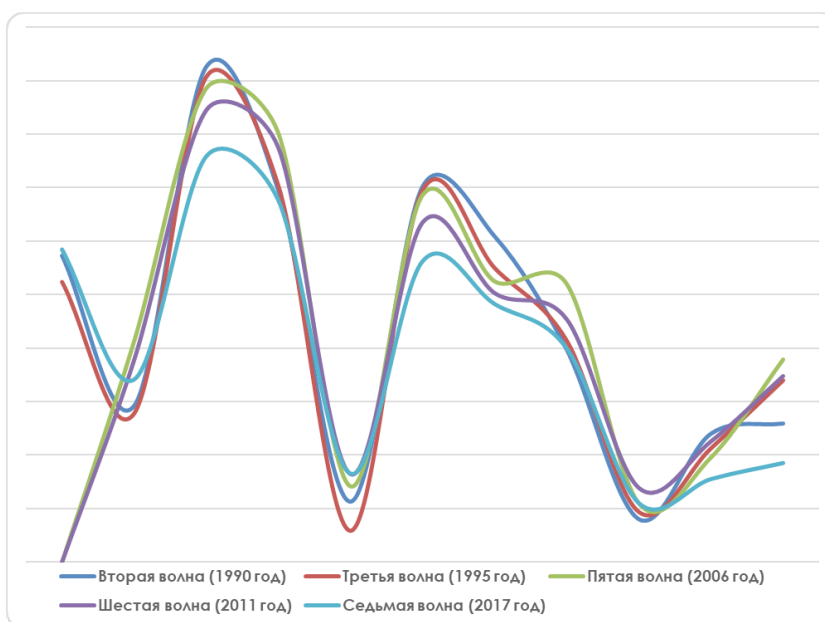
Наименование качеств	Вторая волна (1990 год)	Третья волна (1995 год)	Пятая волна (2006 год)	Шестая волна (2011 год)	Седьмая волна (2017 год)
Хорошие манеры	57,3	52,4	0	0	58,4
Независимость	29,2	27,8	41,3	37,8	34,1
Трудолюбие	92,6	90,7	88,6	84,5	75,8

Наименование качеств	Вторая волна (1990 год)	Третья волна (1995 год)	Пятая волна (2006 год)	Шестая волна (2011 год)	Седьмая волна (2017 год)
Ответственность	69,5	70,4	80,2	77,5	67,6
Воображение	11,3	5,9	14,2	16,5	16,5
Толерантность	70,2	69,5	68,6	63,5	56,2
Бережливость	60,9	55	52,5	50,3	48,2
Решительность, настойчивость	39,7	41,4	52	45,4	39,9
Религиозность	8	9,4	11	13,9	11
Бескорыстие	24	21,3	19,6	22,6	15,5
Послушание	25,9	34	37,9	34,8	18,5

Число респондентов, считающих толерантность важным качеством, которое следует воспитывать, составляет 65,6 % от общего числа опрошенных во всех пяти волнах, – или 6791 из 10344 человек. Таким образом, по мнению россиян, воспитание толерантности у подрастающего поколения достаточно важно.

Рисунок 1

Динамика оценок важности качеств, необходимых для воспитания в семье

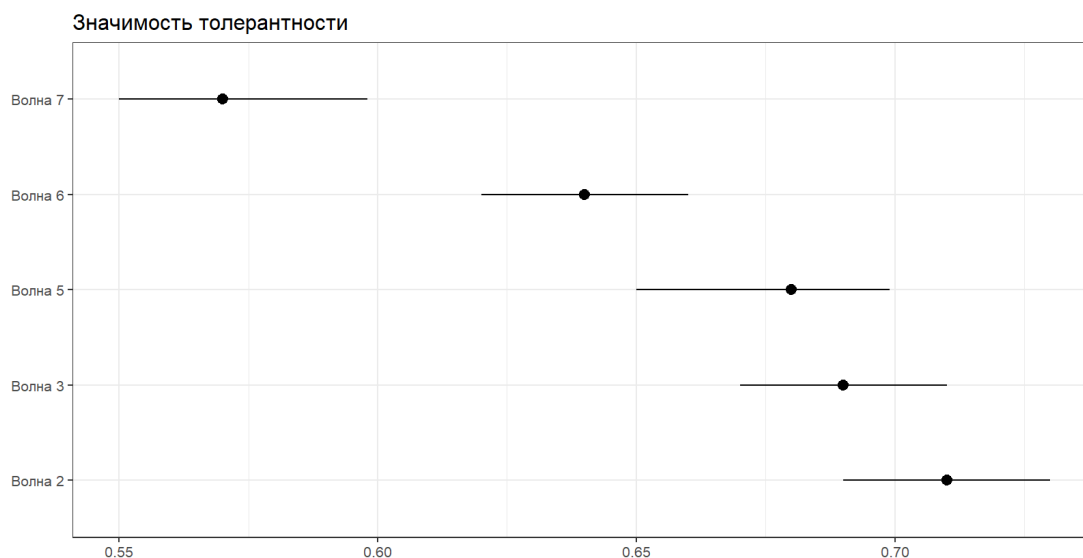
Однако, как можно заметить, значимость толерантности наравне с такими качествами, как трудолюбие, бережливость, бескорыстие и послушание, понижается со второй по седьмую волны.

С целью статистической проверки изменения в значимости толерантности был проведен анализ общей выборки ($N = 10344$) по параметру «толерантность» с помощью критерия Краскала – Уоллиса (*Kruskal–Wallis one-way analysis of variance*), который показал следующее: значимость толерантности статистически достоверно ($84,607$, $df = 4$, $p\text{-value} < 2.2e-16$, $p < 0,001$) различается в разных волнах исследования со слабой величиной эффекта ($0,00913$).

Для уточнения направленности этих различий использовался метод доверительных интервалов (рис. 2).

Рисунок 2

Динамика значимости толерантности по волнам

Все графики выполнены с помощью «RStudio».

Таким образом, статистически установлена тенденция к снижению значимости воспитания толерантности с 1990 к 2017 г.

При дальнейшем анализе результатов опроса респонденты были разделены на две группы в зависимости от того, считали ли они важным формирование в семье терпимости и уважения к другим людям: группа респондентов, считающая важным, обозначена нами как «ЗТ», а группа, которая так не считала, – «НЗТ».

К группе ЗТ было отнесено 6791 человек, а к НЗТ – 3553 человек. Результаты сравнения их социально-демографических характеристик приведены в таблице 2.

Таблица 2

Различия между группами ЗТ и НЗТ

Номер вопроса	Переменная	Kruskal–Wallischi-squared	df	p-value	eta. squared
A-WAVE	Волна (год исследования)	74,753	1	< 2,2e-16	0,00835
Q260	Пол	40,792	1	1,693e-10	0,00451
Q262	Возраст	72,167	1	< 2,2e-16	0,00806
Q275	Уровень образования	7,8442	1	0,005098	0,000775
Q287	Социальный класс	9,7623	1	0,001781	0,000992

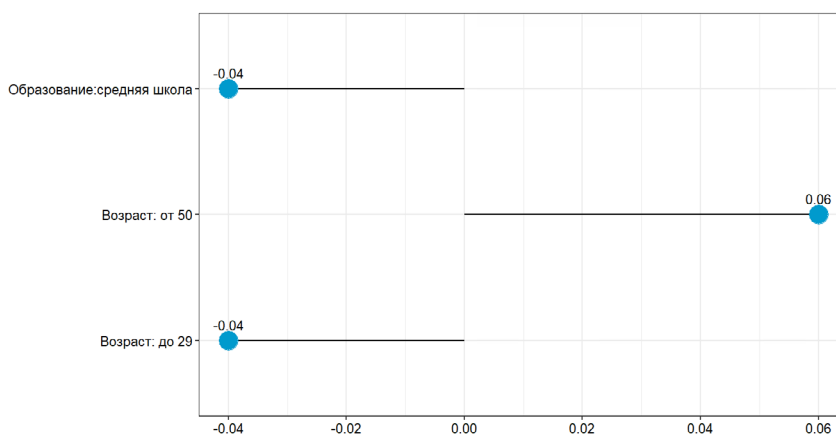
Примечание: предварительно все номера вопросов были приведены к единому образцу. Номера приводятся из опросника 7-й волны.

Как следует из таблицы 2, у всех переменных обнаруживается высокий уровень достоверности различий при незначительной величине эффекта. Корреляционный анализ бинарных переменных с применением фи-коэффициента сопряженности показал, что существует статистически значимая, хотя и слабая, отрицательная взаимосвязь между мужским полом и толерантностью ($r = -0,08$ при $p = 0,0004475411$) – это дает основание полагать, что для женщин более значима толерантность в воспитании детей, чем для мужчин.

Для выявления вероятности попадания респондента определенного возраста и уровня образования в группу ЗТ был применен метод логистической регрессии. В качестве референтной группы по уровню образования были выбраны люди с высшим образованием, в качестве референтной группы по возрасту – люди в возрасте 30–49 лет. Все остальные социально-демографические характеристики сравнивались с референтными группами с указанием, на сколько процентов для них выше или ниже вероятность войти в группу ЗТ, чем у референтной группы (рис. 3).

Рисунок 3

Логистическая регрессия 2-й волны, 3-й волны, 5-й волны, 6-й волны, 7-й волны по показателям «возраст» и «уровень образования»

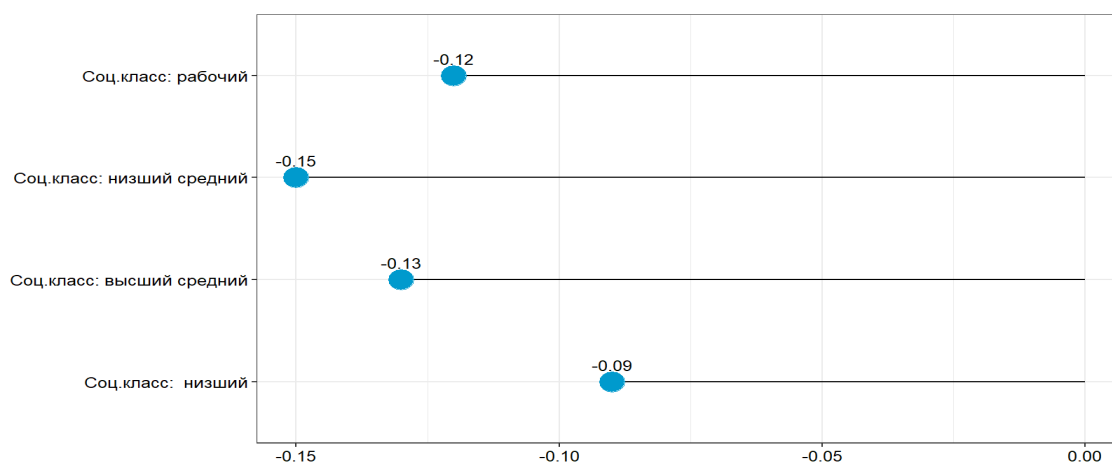

Как можно заметить, по сравнению с людьми, имеющими высшее образование, у людей, закончивших только среднюю школу, вероятность оказаться в группе ЗТ на 4 % меньше. То же можно сказать о людях в возрасте до 29 лет по сравнению с референтной группой, а люди в возрасте от 50 лет, напротив, войдут в группу ЗТ с вероятностью на 6 % больше.

У людей из высшего класса наибольшая вероятность оказаться в группе ЗТ: у людей из высшего среднего и низшего среднего класса она ниже, соответственно, на 13 % и 15 %, у людей из рабочего класса – на 12 %, у людей из низшего класса – на 9 % (рис. 4).

Рисунок 4

Логистическая регрессия 2-й волны, 3-й волны, 5-й волны, 6-й волны, 7-й волны по показателю «социальный класс»

Таким образом, была установлена взаимосвязь между значимостью толерантности, с одной стороны, и возрастом, уровнем образования и социальным классом – с другой. Обнаружена тенденция повышения значимости толерантности с возрастом, в связи с получением высшего образования и принадлежностью к высшему классу.

Результаты анализа социально-демографических характеристик в группе 3Т за период 1990–2017 гг. приведены в таблице 3.

Таблица 3

Различия социально-демографических характеристик в группе 3Т в зависимости от года проведения исследования

Номер вопроса	Переменная	Kruskal–Wallischi-squared	df	p-value	eta. squared
Q260	Пол	13,308	4	0,009865	0,00159
Q262	Возраст	108,94	4	< 2,2e-16	0,018
Q275	Уровень образования	3380,2	4	< 2,2e-16	0,578
Q287	Социальный класс	4775,8	4	< 2,2e-16	0,818

Как следует из таблицы, различия достоверны ($p < 0,001$), величина эффекта по полу имеет незначительный эффект, по возрасту – слабый, в то время как по уровню образования – сильный, по социальному классу – очень сильный.

С целью поиска различий между годами проведения исследований (волнами) был применен критерий Коновера. В таблице 4 представлены результаты, исключая некорректные данные в связи с их отсутствием в некоторых волнах.

Таблица 4

Сравнительный анализ социально-демографических характеристик в группе ЗТ (парные сравнения в зависимости от волны)

Номер вопроса	Переменная	Парные сравнения	mean. rank. diff	p-value
Q260	Пол	3–2	–34,79241	1,0000
		5–2	132,44497	0,1798
		6–2	73,07554	0,9965
		7–2	–58,83747	1,0000
		5–3	167,23737	0,0363 *
		6–3	107,86794	0,3520
		7–3	–24,04506	1,0000
		6–5	–59,36943	1,0000
		7–5	–191,28243	0,0332*
		7–6	–131,91300	0,2785
Q262	Возраст	3–2	400,09424	6,2e-09 ***
		5–2	–88,70316	0,5676
		6–2	483,53188	3,0e-12 ***
		7–2	326,35368	4,7e-05 ***
		5–3	–488,79741	4,6e-12 ***
		6–3	83,43764	0,5676
		7–3	–73,74057	0,5676
		6–5	572,23504	1,0e-15 ***
7–5	415,05684	2,7e-07 ***		
7–6	–157,17821	0,1415		

Номер вопроса	Переменная	Парные сравнения	mean. rank. diff	p-value
Q275	Уровень образования	5–3	301,29173	9,5e-12 ***
		6–3	392,14778	< 2e-16 ***
		7–3	-639,27643	< 2e-16 ***
		6–5	90,85605	0,0397 *
		7–5	-940,56817	< 2e-16 ***
		7–6	-1031,42421	< 2e-16 ***
Q287	Социальный класс	6–3	-19,54155	0,4854
		7–3	-223,76284	2,1e-12 ***
		7–6	204,22129	1,9e-10 ***

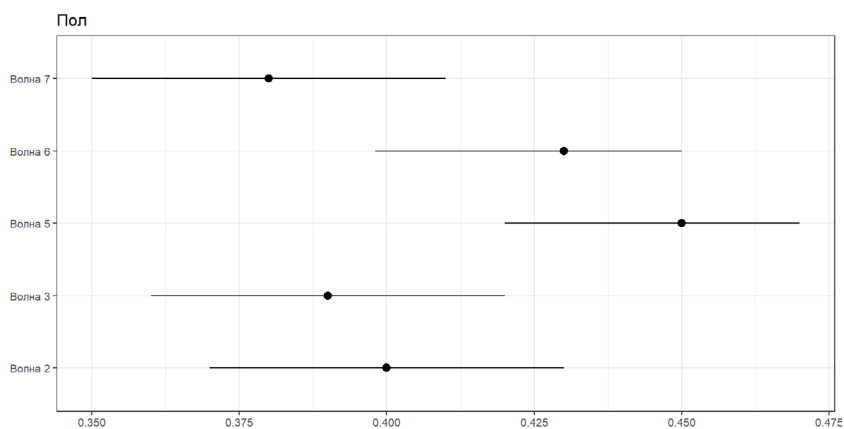
Примечание. Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1.

Достоверные различия между социально-демографическими данными в группе ЗТ, представленными в различных волнах, обнаружены по следующим параметрам: по полу – в двух сравнениях, по уровню образования – во всех сравнениях, по социальному классу – в двух сравнениях.

С целью определения направленности различий использовался метод доверительных интервалов (рис. 5, рис. 6, рис. 7, рис. 8).

Рисунок 5

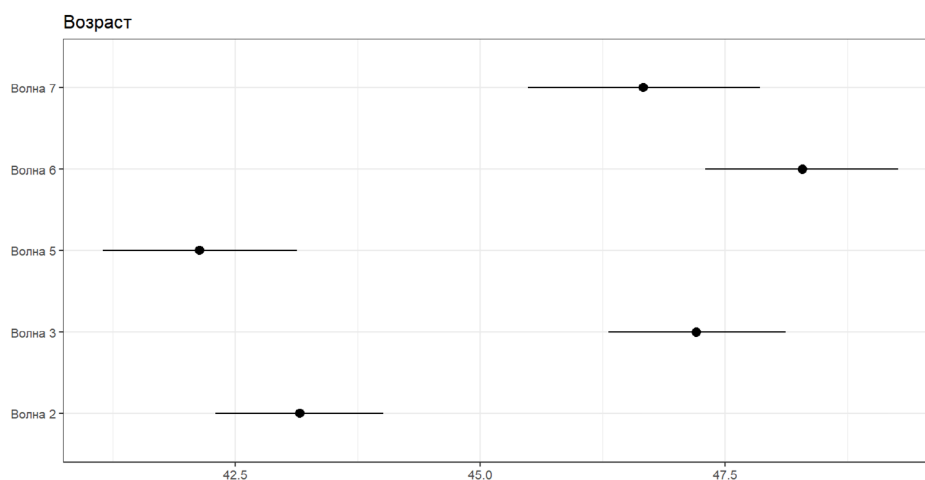
Различия по полу в группе ЗТ в разные годы исследования

В группе респондентов, считающих значимым формирование толерантности в семье, преобладают женщины, при этом наибольшее количество мужчин, для которых это важно, наблюдалось в пятой волне (2006 г.).

Рисунок 6

Различия по возрасту в группе 3Т в разные годы исследования

Как можно заметить, во второй и пятой волнах возрастной показатель респондентов ниже, чем в остальных.

Рисунок 7

Различия по уровню образования в группе 3Т в разные годы исследования

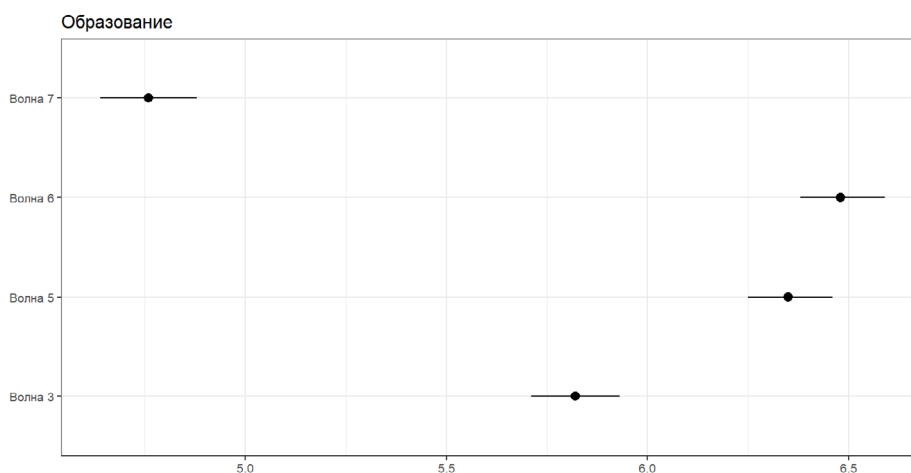
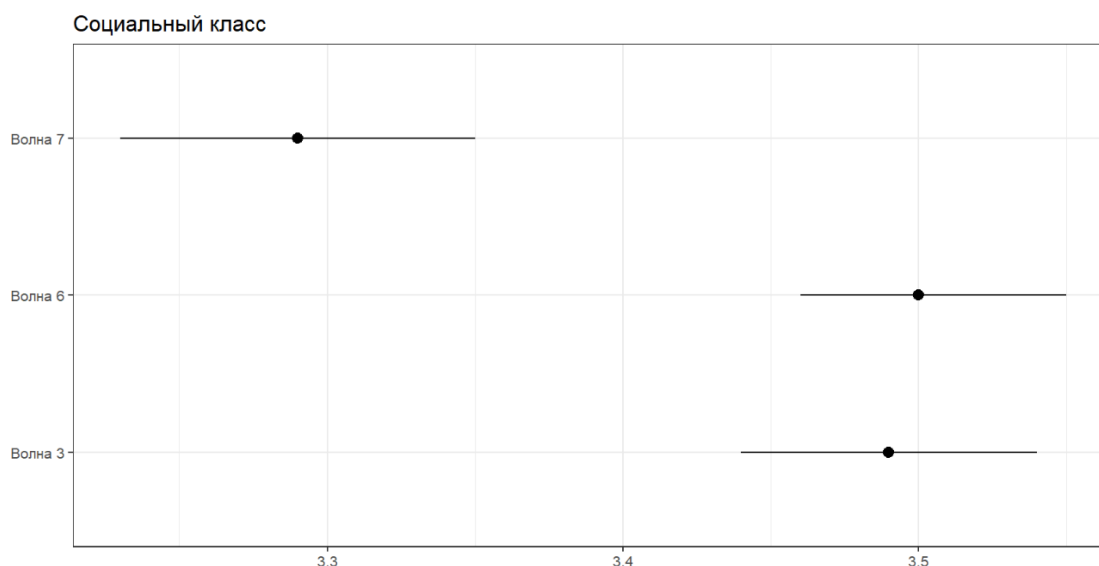

Рисунок 8

Различия по социальному классу в группе ЗТ в разные годы исследования

Исходя из рисунка, становится ясно, что уровень образования респондентов в группе ЗТ последовательно возрастает до шестой волны, а затем в 2017 г. происходит понижение.

Особо хотелось бы обратить внимание, что, как и при анализе уровня образования, в седьмой волне (2017 г.) также наблюдается понижение показателя социального класса респондентов группы ЗТ.

Обсуждение результатов

Посмотрим, насколько соответствуют полученные данные результатам других исследований, в той или иной мере раскрывающих особенности толерантности россиян. Как и стоило ожидать, в основном они касаются этнической толерантности.

Так, согласно результатам обработки, некоторых данных проекта «Европейский социальный опрос» (ESS) (Донцов и др., 2019), наблюдается стабильный рост у россиян этнической толерантности с 2014 по 2016 гг. Это совпадает с выводами Щербака, Тряпкина (2019) о том, что в 2016 г. отношение к мигрантам в России ухудшилось по сравнению с 2010 г. В 2004 г. 70 % молодежи и 50 % взрослого населения Курской области миграцию в регион оценивали как негативное явление (Анциферова, 2007). Результаты исследований толерантности в молодежной среде Орловской области в 2015 г. свидетельствуют, что 45,5 % опрошенных респондентов относятся к миграции из соседних стран отрицательно, а 46,7 % молодежи склонны причислить себя к националистам (Меркулов и др., 2017). Данные исследования авторов о проявлении толерантности в молодежной среде уже города Тольятти, проведенном в 2016 г., несмотря на более позитивные результаты, тоже не утешительны: только 7 % респондентов считают толерантность основой разумного разрешения конфликтов (Кустова и др., 2018).

Это подтверждают и исследования Мукомеля (2017): среди россиян, выказывающих толерантные установки, больше представлены старшие возраста, в то время как в число гиперинтолерантных чаще попадают респонденты младшего и среднего возраста. Автор объясняет такую тенденцию тем фактом, что россияне, выросшие в советское время, ностальгируют о дружбе между народами. Однако, согласно данным исследования Проходы (2021), основанных на результатах седьмой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS), проведенного в 2014 г., молодежь воспринимает мигрантов более позитивно. Скорее всего, считает автор, наиболее толерантны молодые люди и старшее поколение. К такому заключению приходит и Демидова (2021), отмечая, что молодежь и представители самого старшего поколения наиболее позитивно относятся к иммигрантам. При этом финансовая защищенность (Монусова, 2021) и образование (Демидова, 2021; Мукомель, 2017; Carvacho et al., 2013) повышают степень толерантности.

В целом, анализируемые работы подтверждают результаты нашего исследования, хотя и свидетельствуют о социально-демографических различиях в межэтнической толерантности и не вскрывают главной причины, приводящей к этому – особенностей воспитания толерантности в семье. В связи с этим представляет особый интерес исследование московских ученых (Собкин, Халутина, 2017), созвучное нашему, анализирующее структуру установок родителей детей-дошкольников за последние двадцать лет. Она в общем остается инвариантной, хотя и зависит от социально-ролевых позиций респондентов (их образования, материального положения, социальной роли). Родители считают, что нужно формировать у детей, прежде всего, морально-этическую сферу (доброту, отзывчивость, уважение к старшим). Что касается значимости формирования толерантности, то это более характерно для родителей с высоким материальным положением. Однако, отмечают авторы, за последние 20 лет наблюдается снижение тенденции к «демократическому стилю» воспитания (Собкин, Халутина, 2017, с. 14). Они объясняют это изменениями в социально-политической ситуации в жизни россиян. Вполне вероятно, что это одна из причин снижения установок формирования толерантности в семье, обнаруженное в нашем исследовании.

Заключение

Время расставило свои приоритеты и, несмотря на стремление психологов в начале века консолидировать жителей полиэтнических регионов России, большинство исследований последних лет посвящено толерантности к мигрантам и беженцам. Хотя, на наш взгляд, сведение данного феномена только к этнической толерантности упрощает его. Толерантность начинается в личности с признания права Другого, которым может быть и представитель своей культуры, быть иным, иметь другую точку зрения и т. п.

Позитивным моментом можно считать то, что, по мнению россиян, толерантность – одно из важных качеств, которые нужно формировать в семье. Однако статистически установлена слабая, но достоверная тенденция к снижению ее значимости. При этом сторонники и противники этой точки зрения отличаются по всем социально-демографическим характеристикам.

Поколения старше 50 лет более толерантны – большинство из них считает необходимым формирование толерантных установок в семье. Возможно, это действительно связано с ностальгией по дружбе народов в советское время, но нельзя исключать, что это следствие приобретенного жизненного опыта, понимания разнообразия человеческого мира, отказа от этноцентризма и др.

Мы не можем однозначно утверждать, кто, мужчины или женщины, – большие сторонники формирования толерантности в семье, но, согласно полученным данным, наблюдается тенденция большей выраженности ее у женщин. Интересно, что у мужчин и молодежи такая же тенденция наблюдается только в 2006 г., в период экономического роста в стране, а с 2014 г. падает.

У людей с высшим образованием вероятность оказаться в группе респондентов, для которых важно формирование толерантного отношения к другим людям, выше, чем со средним образованием. Тем не менее, в 2017 г. понижается уровень образования у сторонников формирования толерантности в семье, который до этого повышался. Уровень социального класса в этом году у них также понижается. Однако следует обратить внимание, что отнесение респондентом себя к определенному классу обладает большей степенью субъективности, чем другие социально-демографические характеристики.

Если попытаться описать человека, для которого наиболее значимо формирование толерантности в семье, то это, скорее всего, будет женщина старше 50 лет с высшим образованием, принадлежащая к высшему классу.

Хотелось бы отметить также следующее. Как можно заметить, это не первая попытка российских ученых учитывать результаты международных исследований, проведенных на большой группе людей (Артёмов, Пинкевич, 2020; Донцов и др., 2019; Avanesian et al., 2021), в том числе Всемирного обзора ценностей.

Для психологов ценность таких работ в том, что «выводит психологию в жизнь», позволяет учесть не только мнение людей, полученное в лабораторных условиях, но и реальное отношение респондентов к психологическим явлениям. В связи с этим, исходя из проведенного анализа, настораживает следующее расхождение: за последние двадцать лет значительно увеличилось число публикаций по толерантности, значимости ее развития с указанием конкретных технологий для каждого возраста и т. д., в то время как значимость формирования толерантности к другим людям у россиян падает.

Ограничения

Проведенный анализ не вскрывает в полной мере мотивы толерантного/интолерантного поведения россиян. Он показывает установки по отношению к значимости формирования толерантности к Другим, в том числе и другой этнической группе, у подрастающего поколения. Этот аспект изучения толерантности крайне важен. К сожалению, нам не удалось проследить различия в отношении к формированию толерантности в семье между теми, кто является и не является гражданином России, кто родился в этой стране, и теми, кто переехал в нее из другой страны, т. е. сам является иммигрантом. Это связано с тем, что практически все опрошенные являются гражданами России, родившимися в ней. Однако, на наш взгляд, это повышает значимость проведенного исследования, т. к. показывает установки россиян к тому, каким бы они хотели видеть общество будущего.

Данные установки ограничены общественными условиями и не могут характеризовать русскую культуру в целом. Изменение общественных условий может менять и личностные установки. Это отражено и во «Всемирном обзоре ценностей»: по мере развития общества меняются и ценностные установки.

Литература

- Анциферова, Н. Г. (2007). *Этническая толерантность в современном российском обществе* (кандидатская диссертация). Российская академия государственной службы при Президенте РФ.
- Артёмов, Г. П., Пинкевич, А. Г. (2020). Социокультурные факторы снижения межгрупповой напряженности. *Вестник Санкт-Петербургского университета, Философия и конфликтология*, 36(3), 528–538. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.309>
- Асмолов, А. Г. (1998). *Толерантность: различные парадигмы анализа. Толерантность в общественном сознании России*. Центр общечеловеческих ценностей.
- Асмолов, А. Г., Солдатова, Л. А., Шайгерова, Г. У. (2001). О смыслах понятия «толерантность». *Век толерантности. Научно-публицистический вестник*, 1–2, 8–19.
- Дайнова, Г. З., Левина, И. Р., Петрова, А. И. (2018). Толерантность. *Современное педагогическое образование*, 5, 13–16.
- Демидова, О. А. (2021). Отношение к иммигрантам в России: региональный аспект. *Пространственная экономика*, 17(3), 133–155.
- Донцов, А. И., Зеленев, И. А., Прохода, В. А. (2019). Макросоциальная динамика и этническая толерантность/интолерантность в современных Европе и России. *Вопросы психологии*, 3, 75–93.
- Иванов, Р. В. (2018). Толерантность, патриотизм и социальное неравенство. *Социология*, 4, 20–22.
- Кустова, А. В., Меркулов, П. А., Арабаджийски, Н. З. (2018). Социальная толерантность: российский и зарубежный опыт. *Среднерусский вестник общественных наук*, 13(1), 79–93. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-1-79-93>
- Медушевский, Н. А., Гордеева, М. А. (2017). Социальная толерантность в работах российских исследователей. *Власть*, 25(7), 154–161.
- Меркулов, П. А., Проказина, Н. В., Исаев, А. В. (2017). Межэтническая толерантность молодежи российской провинции в условиях интенсификации миграционных потоков. *Социум и власть*, 2, 28–33.
- Монусова, Г. А. (2021). Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 436–458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>
- Мукомель, В. И. (2017). Ксенофобии и их антиподы: кто они? *Мир России. Социология. Этнология*, 26(1), 32–57.
- Муфтахова, Ф. С., Гилязева, А. М. (2019). К вопросу о профилактике экстремизма в молодежной среде. *Архивариус*, 11(44), 42–45.
- Прохода, В. А. (2021). Отношение к мигрантам и стратегии межкультурного взаимодействия в России и других европейских странах. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 60, 151–163.
- Рубан, Л. С. (2017). Лонгитюдные исследования формирования патриотического сознания у школьной молодежи в полиэтничных регионах (результаты социологических опросов). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 17(2), 235–252. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-235-252>
- Смолянинова, О. Г., Коршунова, В. В., Дайнеко, Я. М. (2017). Диагностика поликультурной

- компетентности будущих педагогов. *Образование и наука*, 19(4), 84–117. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-84-117>
- Собкин, В. С., Халутина, Ю. А. (2017). Ценностно-целевые установки родителей по воспитанию детей старшего дошкольного возраста и их связь со стилями воспитания. *Современное дошкольное образование: теория и практика*, 7, 4–16.
- Щербак, А. Н., Тряпкин, Н. С. (2019). Динамика отношений к мигрантам в России и Восточной Европе в 2010–2016 гг.: по данным кросс-страновых опросов. *Вестник Пермского университета. Политология*, 13(4), 67–80.
- Akbarzadeh, S., & Roose, J. M. (2011). Muslims, multiculturalism and the question of the silent majority. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 31(3), 309–325. <https://doi.org/10.1080/13602004.2011.599540>
- Albanesi, C., Guarino, A., Zani, B., Cicognani, E., & Tzankova, I. (2019). Civic engagement in a changing world: Does it contribute to the development of global citizenship? *Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 26, 495–511. <https://doi.org/10.4473/TPM26.4.1>
- Avanesian, G., Dikaya, L., Bermous, A., Kochkin, S., Kirik, V., Egorova, V., & Abkadyrova, I. (2021). Bullying in the Russian secondary school: Predictive analysis of victimization. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.644653>
- Beregovaya, N. Yu., & Karlova, O. A. (2020). Ideological phantoms of civilisation and culture: Identity and tolerance. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13(7), 1090–1098. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0533>
- Carvacho, H., Zick, A., Haye, A., González, R., Manzi, J., Kocik, C., & Bertl, M. (2013). On the relation between social class and prejudice: The roles of education, income and ideological attitudes. *European Journal of Social Psychology*, 43(4), 272–285. <https://doi.org/10.1002/EJSP.1961>
- Cvetkovska, S., Verkuyten, M., & Adelman, L. (2020). Being tolerated and minority well-being: The role of group identifications. *International Journal of Intercultural Relations*, 74, 161–173. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.10.010>
- Edwards, S. (2018). Critical reflections on the interfaith movement: A social justice perspective. *Journal of Diversity in Higher Education*, 11(2), 164–181. <https://doi.org/10.1037/dhe0000053>
- Eskelinen, V., Renvik, T. A., Pauha, T., Jetten, J., Kunst, J., van der Noll, J., Rohmann, A., & Jasinskaja-Lahti, I. (2022). Disentangling national and religious identification as predictors of support for religious minority rights among Christian majority groups. *British Journal of Social Psychology*, 61(2), 550–568. <https://doi.org/10.1111/bjso.12496>
- Fischer-Preßler, D., Schwemmer, C., & Fischbach, K. (2019). Collective sense-making in times of crisis: Connecting terror management theory with Twitter user reactions to the Berlin terrorist attack. *Computers in Human Behavior*, 100, 138–151. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.05.012>
- Husain, S. C. (2020). Muslim community organizations' perceptions of islamophobia: Towards an informed countering response. *Religions*, 11(10), 485. <https://doi.org/10.3390/rel11100485>
- Kyere, E., Joseph, A., & Wei, K. (2020). Alternative to zero-tolerance policies and out-of-school suspensions: A multitiered centered perspective. *Journal of Ethnic & Cultural Diversity in Social Work*, 29(5), 421–436. <https://doi.org/10.1080/15313204.2018.1528914>
- Mansouri, F., & Vergani, M. (2018). Intercultural contact, knowledge of Islam, and prejudice against muslims in Australia. *International Journal of Intercultural Relations*, 66, 85–94. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.07.001>
- Miklikowska, M., Bohman, A., & Titzmann, P. F. (2019). Driven by context? The interrelated effects

- of parents, peers, classrooms on development of prejudice among Swedish majority adolescents. *Developmental Psychology*, 55(11), 2451–2463. <https://doi.org/10.1037/dev0000809>
- Odenweller, K. G., & Harris, T. M. (2018). Intergroup socialization: The influence of parents' family communication patterns on adult children's racial prejudice and tolerance. *Communication Quarterly*, 66(5), 501–521. <https://doi.org/10.1080/01463373.2018.1452766>
- Pettigrew, T. F., Tropp, L. R., Wagner, U., & Christ, O. (2011). Recent advances in intergroup contact theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 35(3), 271–280. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.03.001>
- Ryumshina, L. I. (2014). Humanization of education: From traditional to humanistic oriented school. In *International multidisciplinary scientific conferences on social sciences and arts SGEM. Conference Proceedings* (Vol. 3, pp. 369–374). <https://doi.org/10.5593/sgemsocial12014B11>
- Ryumshina, L., Belousova, A., Berdyanskaya, Y., & Altan-Avdar, I. (2022). Symmetrical and asymmetrical approaches to communication in education in distance learning. In A. Beskopylny, M. Shamtsyan (Eds.), *XIV International scientific conference "INTERAGROMASH 2021". Lecture notes in networks and systems* (Vol. 247, pp. 471–481). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-80946-1_45
- Sandoval-Hernández, A., Miranda, D., & Isac, M. M. (2018). How do we assess civic attitudes toward equal rights? Data and methodology. In A. Sandoval-Hernández, M. M. Isac, & D. Miranda (Eds.), *Teaching tolerance in a globalized world* (Vol. 4, 11–17). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-78692-6_2
- Shestakova, T., Shestakova, A., Belova, E., Zinchenko, E., & Fokin, N. (2022). Educational leaders training in the context of digitalization. In A. Manakov, A. Edigarian (Eds.), *International scientific Siberian transport forum TransSiberia – 2021. TransSiberia 2021. Lecture notes in networks and systems* (Vol. 403). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96383-5_120
- Shrira, I., Wisman, A., & Noguchi, K. (2018). Diversity of historical ancestry and personality traits across 56 cultures. *Personality and Individual Differences*, 128, 44–48. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.02.013>
- Simon, B., Eschert, S., Schaefer, C. D., Reiningger, K. M., Zitzmann, S., & Smith, H. J. (2019). Disapproved, but tolerated: The role of respect in outgroup tolerance. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 45(3), 406–415. <https://doi.org/10.1177/0146167218787878>
- Tenenbaum, H. R., Capelos, T., Lorimer, J., & Stocks, T. (2018). Positive thinking elevates tolerance: Experimental effects of happiness on adolescents' attitudes toward asylum seekers, 23(2), 346–357. <https://doi.org/10.1177/1359104518755217>
- van der Werf, F., Verkuiten, M., Martinovic, B., & Tseung-Wong, C. Ng. (2022). Understandings of national identity and outgroup attitudes in culturally diverse Mauritius. *International Journal of Intercultural Relations*, 78, 73–83. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.10.004>
- Vedder, P., Wenink, E., & van Geel, M. (2016). Explaining negative outgroup attitudes between native Dutch and Muslim youth in The Netherlands using the Integrated Threat Theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 53, 54–64. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.05.001>
- Verkuyten, M., & Killen, M. (2021). Tolerance, dissenting beliefs, and cultural diversity. *Child Development Perspectives*, 15(1), 51–56. <https://doi.org/10.1111/cdep.12399>
- Walters, G. D. (2020). Viewing the cycle of violence through a gendered pathways lens: Perceived parental tolerance of violence, peer influence, and child aggressive behavior. *Journal of Interpersonal Violence*, 35(11–12), 2189–2209. <https://doi.org/10.1177/0886260517702493>

Поступила в редакцию: 12.12.2022

Поступила после рецензирования: 26.12.2022

Принята к публикации: 27.12.2022

Заявленный вклад авторов

Любовь Ивановна Рюмшина – разработка концепции исследования, обзор литературы по теме статьи, анализ и интерпретация полученных данных, участие в написании статьи, редактирование статьи.

Елена Валерьевна Зинченко – обзор литературы по теме статьи, участие в обработке материала, анализ полученных данных, участие в написании статьи.

Анастасия Александровна Чернова – организация эмпирического исследования, участие в обработке материала, интерпретация полученных данных, участие в написании статьи.

Юлия Владимировна Бердянская – участие в обработке материала, участие в написании и редактировании статьи и заключения, оформление окончательного варианта статьи.

Ольга Владимировна Батычко – участие в обработке материала, анализ полученных данных, участие в написании статьи, оформление окончательного варианта статьи.

Информация об авторах

Любовь Ивановна Рюмшина – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 6506836314, ResearcherID: P-6488-2015, SPIN-код: 7027-4206, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2228-8140>, e-mail: ryumshina@sfedu.ru

Елена Валерьевна Зинченко – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ResearcherID: R-7513-2016, SPIN-код: 9403-7635, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7262-9583>, e-mail: evzinchenko@sfedu.ru

Анастасия Александровна Чернова – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код: 6291-6568, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7734-8775>, e-mail: achernova@sfedu.ru

Юлия Владимировна Бердянская – ассистент кафедры социальной психологии, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код: 9293-8861, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7878-9097>, e-mail: yber@sfedu.ru

Ольга Владимировна Батычко – магистрант, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1518-1161>, e-mail: batychko@sfedu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.